

**ПУТЬ И ДОРОГА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. И. ЭРТЕЛЯ
(на материале романа «Гарденины»)**

*Работа представлена кафедрой русского языка и методики его преподавания
Липецкого государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Г. В. Звездова*

В статье анализируются важные для русского языкового сознания слова путь и дорога. Проведено исследование особенностей употребления антиномии и концептуального единства, которое образуют эти лексемы в языковой картине мира А. И. Эртеля «Гарденины». В результате определена та сфера представлений, смыслов, образов, с которой связаны эти пространственные категории.

Ключевые слова: языковая картина мира, формула, образ, символ, сакральное значение.

E. Rudnev

**“WAY” AND “ROAD” IN THE LANGUAGE WORLD PICTURE
OF A. I. ERTEL
(based on the novel “The Gardenins”)**

The words “way” and “road”, which are very important for the Russian language consciousness, are analysed in the article. The author researches the peculiarities of using the antinomy and conceptual unity, which these concepts form in the language world picture in the novel “The Gardenins” by A. I. Ertel. As a result, the sphere of images, views and senses that these spatial categories are connected with, is defined.

Key words: language picture of the world, formula, image, symbol, sacral meaning.

Вопрос о художественном пространстве как композиционно значимом элементе художественного текста представляет несомненный исследовательский интерес. Современная когнитивная лингвистика, опираясь на древнейшую мифопоэтическую традицию, памятники древнерусской литературы, фольклор и научные труды по ментальности, во многом обогащает и по-новому освещает современное гуманитарное знание, дает иное понимание художественного феномена, коим предстает текст, в плане формы и содержания. Важно отметить и то, что в своих исследованиях ученые опираются прежде всего на слово (В. В. Колесов, В. Н. Топоров, И. Я. Чернухина, Н. А. Николина, Г. В. Звездова), которое является вместилищем национальной традиции, мировоззренческой и нравственной категорией, фиксатором смысловых смещений и даже деформаций сознания предыдущих эпох.

Цель нашей статьи – описать в языковой картине мира и в тексте романа А. И. Эртеля «Гарденины» антиномию «дорога – путь» и концептуальное единство, ядро которого образуют те же пространственные категории.

Как показывают наши изыскания, именно **путь** является древнейшим символом нравственного возрождения и последующего духовного совершенствования как человека, так и человечества. Он задает важную созидательную, миро- и жизнеупорядочивающую идею – «направление», которая может иметь разные языковые воплощения (см., например, в «Библии»: «Азь есмь путь» [Ин. 14, 6]) или те же идеи в пословицах и поговорках русского народа, которые зафиксированы в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «За Богом пойдешь, добрый путь найдешь. Слушайся добрых людей, на путь наведут. Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет» [1, т. III, с. 543–544].

В этой связи справедливо отмечается и то, что «смертный может реально вступить на горизонтальный путь и при особых усилиях проделать его, но вертикальный путь может быть проделан лишь фигурально – его душой» [2]. То есть путь как идея в русской языковой картине мира часто понимается как духовная категория, ибо «стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь». Как следствие этого «разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» [3].

Таким образом, путь воспринимается как высшая аксиологическая ценность, которая в некоторых случаях выполняет функцию дома, защищая его [4]. И эти рассматриваемые сущности, что очень важно, концептуально и семантически отнюдь не противопоставляются, а, скорее, сопрягаются, т. е. в смысловом плане представляют некое сакральное единство.

Такое понимание *пути* отражено и в лексикографических источниках. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского лексемы *путь* и *дорога* представлены как синонимы. Следовательно, значения их идентичны (ср.: *путь* – «дорога, путь», «проѣзжая или ходовая дорога», «свобода проѣзда и прохода», «право на проѣзд или проходъ» [5, т. II, стб. 1735–1739] и *дорога* – «путь» [5, т. I, стб. 707]). Однако эти же слова благодаря мифопоэтической традиции могут обладать и разными значениями: *путь* – «движение», «обычай, правило», «обстоятельство», «поводъ, причина» [5, т. II, стб. 1735–1739] и *дорога* – «ездовая полоса», «накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода», «направленье и расстоянье от места до места» [1, т. I, с. 473–474].

Так же как дом, слово **путь** в художественном пространстве способно к разрастанию, актуализации части (определенного пространства) как целого (мира). Об этом свидетельствует большое количество дериватов, некоторые из которых содержат сему «маленький» – *путикъ* или, напротив, сему «большой» – *путище* или образуют при помощи суффиксов *-ьникъ*, *-ьниц(а)* существительные со значением лица – *путьникъ*, *путьница*,

т. е. того, кто сопровождает в путешествии, странствии – словом, в пути (сравни концептуально родственные дериваты, содержащие корневой морф *-дом-*).

Дорога же, с одной стороны, воспринимается как инвариант *пути*, т. е. видовой конкретизатор, а с другой – равноправный член обозначенного противопоставления «путь – дорога».

Особый интерес, на наш взгляд, представляет уникальная формула *путь-дорога* (*путь-дороженька*), которая в русской языковой картине мира, очевидно, занимает особое место. «Повтор» с точки зрения современного сознания, который лежит в основе этой традиционной фольклорной формулы, явно свидетельствует об особенностях называемого пространства, стяжании реально-физических и сакральных смыслов, что, как нам представляется, фиксирует целостность мировосприятия. Этим, видимо, объясняется и регулярность употребления языковой единицы *путь-дорога* (*путь-дороженька*) в былинах, песнях и сказках [6], где она выполняет выделительную функцию, обозначает сакральное пространство/время и обладает положительной семантической маркированностью (сравни, например, такие же формулы, которые обладают идентичной структурой и вместе с тем уникальным, специфическим составом своего образного и символического содержания: *скорбь – тоска*, *белый свет* и т. д.).

В исследуемом нами художественном тексте лексемы *путь* и *дорога*, содержащие семы «направление», «движение», в большинстве случаев синонимичны («Там, где не беспокоили эту речонку (Гнелушу. – Е. Р.) и не преграждали ей *путь*, она текла себе узенькою полоской...» [7, с. 52]; «В стороне от их *пути*, посредине гладкой, как скатерть, степной равнины, одиноко стоял высокий курган» [7, с. 72]; «Так как ехали тихо, то в *дороге* предстояло провести три дня. *Путь* лежал почти все время степью...» [7, с. 343] и т. д.).

Однако встречаются случаи, когда *дорога* по значению противопоставлена *пути*, как конкретная, существующая вещь абстрактной, интуитивно осознаваемой закономерности: «...Был, Пашка, в старину Батей такой... из

каких, не умею тебе сказать. Вот и пошел этот Батей на Русь. Шел, шел... *дорог* нетути, куда ни глянет – степь, да леса, да реки... Где-то деревнюшка притулится в укромном месте. Вот он и придумал по звездам *путь* держать. Оттого и зовется – Батеева *дорога*...» [7, с. 217]. Вместе с тем очевидно, что *путь*, который проторяется по звездам (вертикальный путь), является отражением *дороги* в степи (по горизонтали), что свидетельствует о тесной взаимосвязи вечного (духовного) и вещного (бренного, тленного, материального) миров в мировидении крестьянина Арсения Гомозкова и является, по определению В. В. Колесова, важным дифференциальным признаком индивидуальности русского этноса.

Важно отметить и то, что слово *дорога* имплицитно содержит значения «начало» и «конец», доминантой которых является идея движения, перемещения в пространстве: «И всю *дорогу* от Измайловского полка до Гагаринской набережной сердито бормотал себе под нос и нервически теребил свои директорские бакенбарды (Климон. Алексеич – *Е. Р.*)» [7, с. 49]; «С *дороги*, ведущей из Гарденина, хутор, хотя и стоял на холмистом месте, открывался внезапно, совсем вблизи, потому что к нему приходилось подъезжать из лощины и у самого хутора обогнуть невысокий бугорок» [7, с. 92–94]; и не прошло десяти секунд, как Косьма Васильич Рукодеев умчался за красный двор по *дороге* в село Кужновку [7, с. 131]

Дорога (и *путь* в значении «дорога») содержит также и качественную характеристику, которая в целом является фиксатором реально-физических свойств исследуемого слова, что отражено в ряде определений, эксплицирующих значение «принадлежность тому или иному роду, той или иной местности»: «Николай постоял, посмотрел, прикусил до крови губы и, пребольно ударив Казачка, помчался назад к *гарденинской дороге*» [7, с. 263]; «через широкую *дорогу* тянулись опять-таки каменные, но уже с тесовой и камышовою крышей флигеля» [7, с. 53]; «Николай опять посмотрел на часы, сказал Федотке погонять, и тарантасик снова загремел рысцою по сухой *дороге*» [7, с. 153]; будто во весь дух мчалась лошадь по твердой *дороге* [7, с. 267] и др.

Ключевое слово *путь*, обладающее, в отличие от дороги, более абстрактной семантикой, в тексте в основном актуализирует сакральное пространство.

Так, имена существительные и прилагательные с корнем *-пут-*, образованные с помощью префиксов *рас-* и *бес-* и других аффиксов, явно содержат качественную оценку (сравни, например, слова с реально-физическим значением и явной отрицательной коннотацией *беспутица*, *беспутье*, *распутица*, *распутье* и *напутный*, *напутствие*, *попутчик*, *спутник*, *сопутствовать* и др., содержащие, безусловно, семы «поиск» и «созидание»). Показателен в этом отношении словарь В. И. Даля, который к слову *беспутный* предпосылает следующие значения: «бездорожица, распутица или иная порча дороги» и вместе с тем «беспутный, в ком или в чем нет пути, толку, проку, пользы» [1, т. I, с. 72] (ср., например, с современными толковыми словарями, в которых это слово утратило первосмысл «отсутствие внутреннего пути»: «лишенный разумной цели, разумного основания; безрассудный, бестолковый. // Легкомысленный, разгульный, развратный» [8, т. I, с. 84]; «легкомысленный, неосновательный, ветреный» [9, т. I, стб. 424]).

Таким образом, воссоздается восприятие наивно-целостной картины мира, в которой, очевидно, единство реально-физических и духовно-сакральных смыслов отражено наиболее полно. И она отнюдь не примитивна, а, скорее, наоборот, сложна, поскольку отражает одновременно быт и бытие русского человека. Метонимический перенос, который лежит в основе появления этой сакральной семантики, фиксирует нерасчлененность действительности и самоопределения в ней человека, реальности и духовного поиска, что, кстати, достаточно выпукло проявляет себя в русской языковой картине мира (ср., например, словосочетания *физический труд – труд души*). Более того, это приводит нас к выводу, что семантически и ассоциативно лексемы *путь* и *выбор* в значении «взять нужное из наличного // Отдать предпочтение кому-, чему-либо» [8, т. I, с. 245] соотносятся. И как части репрезентируют определенное целое, т. е. *пространство* и *жизнь*.

Словообразовательное гнездо слова *путь* убедительно доказывает, что оно само как таковое имеет сакральные семы, характеризующие внутреннее состояние героев и в целом фиксирует исследуемое нами перцептуальное пространство художественного текста.

Рассматриваемый текстовый материал в полной мере отражает наши общие наблюдения. Так, в нескольких контекстах слово *путь* имплицитно означает значения «жизненный выбор», «идея»: «Особенно кипятился исправник (Исай Исаич. – Е. Р.).

– Некуда-с! – кричал он. – Единственная карьера, единственный *путь* для молодого человека!» [7, с. 172].

В том же самом значении слово *путь* выступает в письме Ефрема, в котором описываются взгляды, пристрастия Элиз Гардениной: «Оригинальный, брат, цветок! Много прочитано и подумано... *Пути* не наши, „не разночинские“, – о, совсем не наши! Тут Диккенс, и кое-что из Жорж Занд, и отрывки из Мюссе, из Гейне, и „Мизерабли“, и Ламартин, и ямбы Барбье, – все, брат, в подлинниках! И, вообрази, кто еще? Достоевский» [7, с. 355].

При этом семантика пути определенно актуализирует взгляды дворян и революционно-демократической молодежи.

Все они, очевидно, качественно отличаются, сопоставляются и противопоставляются автором благодаря экспрессивной лексике, лексико-семантическим группам с интегральным индивидуально-авторским значением «проселок»: *романтизм, извращение, непонимание, мечты* и с интегральным значением «большак»: *совесть, знание, стыд* («А между тем, эдакий-то *проселок*, сильно похоже, выводит и ее все на тот же разночинский „*большак*“... Нет слов, тут пропасть неизвестного нам романтизма, слащавого извращения действительности, институтского непонимания.

Мы отправляемся от жизни, – с „проселка“ исходят от мечты; наша совесть пробуждена знанием, ихняя – воображением, чувством. Факт же, как его ни поверни, все один и тот же: совесть просыпается, утраченный некогда стыд овладевает сердцами» [7, с. 355]).

Лексемы *проселок* и *большак*, употребленные явно в переносном значении, противопоставлены не только на уровне семантики (*проселок* – «грунтовая дорога между небольшими населенными пунктами» [8, т. III, с. 245] и *большак* – «1. Разг. Большая дорога (в отличие от проселочной)» [8, т. I, с. 106]), но и тех ассоциативных связей, которые явно фиксируются в тексте (*проселок* в значении «правда» и *большак* в значении «истина»). Высшие идеи нравственности и совести представляются Ефрему неразрывно связанными с семантикой пути (см., например, фразеологический оборот *муки совести*), которая отражает самый важный компонент ценностной картины мира русского человека и несомненно выявляет суть личности в единстве пространственно-временного аспекта.

Таким образом, проанализированные концептуально значимые слова *путь* и *дорога*, как нам представляется, в языке и речи при описании пространства, с одной стороны, органично взаимодействуют, с другой – коренным образом расходятся. При этом смысловое наполнение как дороги, так и пути чрезвычайно велико, емко. Это, видимо, связано с тем, что сам этимон (первообраз) этих слов уходит в глубокую древность. Смысловое и образно-символическое наполнение их свидетельствует о достаточно длительном процессе формирования исследуемых пространственных категорий. Это следует и из концептуального противопоставления/единства **дороги** и **пути**, раскрывающегося в тексте романа «Гарденины» как фрагменте языковой картины мира А. И. Эртеля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
2. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
4. Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

ФИЛОЛОГИЯ

5. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 4 т. М., 1958.
6. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.
7. *Эртель А. И.* Гарденины. М.: Худож. лит., 1980.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. (МАС).
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. В. Виноградова. М.; Л.: Наука, 1948–1965 (БАС).